

Муратов Павел Павлович

Герои и героини

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
П12

П12 **Павел Павлович М.**
Герои и героини / Муратов Павел Павлович – М.: Книга по Требованию, 2024. –
139 с.

ISBN 978-5-519-98190-3

Год изд. указан на обл.

ISBN 978-5-519-98190-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

хомъ и униженіемъ. Онъ ничѣмъ, впрочемъ, не обидѣлъ ее и предоставилъ ей жить въ прежнемъ довольствѣ на женской половинѣ, среди наперсницъ и евнуховъ. Сопровождаемый стрѣлками и копейщиками, онъ обошелъ весь домъ Василиада отъ подваловъ до чердака, холодно глядя на каменные узоры половъ, огни лампадъ и пурпуръ ковровъ. Большіе глиняные кувшины съ виномъ и масломъ, закопанные до горла въ подземельяхъ, остановили на время его вниманіе. Проходя сквозь внутренніе дворы, обнесенные галереями на деревянныхъ столбахъ, видѣлъ онъ впервые райскіе плоды апельсиновыхъ и лимонныхъ деревь.

Балдуинъ графъ Фландрскій сѣлъ на престолъ императоровъ Востока. Латинскіе рыцари казалось забыли о первоначальной цѣли своего предпріятія. Силою оружія приводили они къ покорности богатые города по обѣимъ сторонамъ Босфора, умножая добычу, дѣля земли, грезя титулами. Венеціанцы со страстью предавались торговлѣ у башни Галаты. Древняя гавань Константинополя кишѣла разнообразнымъ людомъ, жаждущимъ наживы и удовольствій. По узкимъ кривымъ улицамъ столицы проѣзжали рыцари Фландріи, Шампани и Иль де Франса, сопровождаемые льстивыми кліентами, предшествуемые восточными слугами и скороходами.

Чужеземными обычаями прельщались многіе изъ нихъ, и не одинъ смѣнилъ на византійскій шелкъ добротное ипрское сукно своего кафтана. Смѣлые французы нравились изнѣженнымъ константинопольскимъ женщинамъ. Не было ни одной дамы въ окрестностяхъ Влахерны или Ишподрома, которая не принимала бы у себя гостей днемъ и ночью. Иныя изъ нихъ, переодѣвшись и спрятавъ подъ покрываломъ лицо, искали на перекресткахъ солдатъ и конюховъ. Старухи со сморщенными лицами поджидали молодыхъ свѣтловолосыхъ оруженосцевъ, чтобы вручить имъ пышную гвоздику и шепнуть улицу своей госпожи. И возвращавшіеся все охотнѣе и охотнѣе въ столицу рыцари, увѣнчанные сомнительной славой своекорыстныхъ

подвиговъ, спѣшили смыть съ себя фракійскую пыль или азійскую грязь и не уставали отвѣчать на призывы соблазновъ.

Чтобы предаться худшимъ соблазнамъ Гюи де Пьермонду не понадобилось даже перейти улицу. Подъ кровлей запутаннаго какъ лабиринтъ Василиадова дома, въ спальнѣ, напитанной кружащими голову ароматами, ждала его теперь каждую ночь Зоя. Однажды, вернувшись изъ труднаго похода и усердно вознаграждая себя за всѣ лишения, онъ самъ не замѣтилъ, какъ нарушилъ данный нѣкогда обѣтъ чистоты и совершилъ первый свой тяжелый грѣхъ. Сжигая запоздалые укоры совѣсти, прокрадывался онъ точно воръ въ душную опочивальню гречанки. Съ величайшей таинственностью пропускала она его въ скрытую дверь, прислушиваясь къ малѣйшему шороху, не произнося даже шепотомъ ни единого слова и торопясь разлучиться при первыхъ проблескахъ зари, при первомъ ударѣ къ заутренѣ въ сосѣднемъ монастырѣ. Но велико коварство грековъ: съ вѣдома всѣхъ своихъ многочисленныхъ слугъ уступала себя Зоя желаніямъ простодушнаго рыцаря; невидимые имъ глаза съ насмѣшкой наблюдали за нимъ всякій разъ, когда возвращался онъ съ подсказанными ею предосторожностями въ свои покои. И мало того, какъ только покидалъ онъ комнату гречанки, Василиадъ, ни на одинъ день не оставлявшій Константинополя и продолжавшій спокойно плести сѣти заговоровъ, укрываясь среди внуховъ своей жены, занималъ на супружескомъ ложбѣ, указанное ему закономъ мѣсто.

Случайность раскрыла, наконецъ, Гюи де Пьермонду позорныя ухищренія византійцевъ. Въ припадкѣ неистовой ярости онъ совершилъ новый смертельный грѣхъ, ударомъ меча лишивъ жизни и Василиада и Зою. Узнайте же, однако, что даже и этотъ грѣхъ не былъ его худшимъ. Помраченный разсудкомъ, рыцарь не отвѣтилъ на тотъ призывъ, который устами несчастнаго Балдуина обратила къ нему и къ другимъ Имперіа латинянъ въ дни величайшей опасности. Въ битвѣ при Адрианополѣ не занялъ онъ

того мѣста въ рядахъ, которое указывала ему честь. Когда пришла вѣсть о страшномъ пораженіи, о плѣненіи императора, низкій страхъ потерять награбленное богатство и попасть въ руки жестокихъ валаховъ овладѣлъ крестоносцами, которые еще оставались въ столицѣ. Самые малодушные изъ нихъ снарядили пять кораблей, чтобы спастись бѣгствомъ, и среди клятвопреступниковъ и предателей, наполнившихъ эти корабли своимъ скарбомъ, оказался доблестный рыцарь Гюи де Пьермондъ!

Ничего добраго не могли ожидать для себя тѣ, кто оставили въ бѣдѣ своихъ братьевъ. Весеннія бури разсѣяли ихъ флотъ среди острововъ Греціи. Корабль, гдѣ находился Гюи де Пьермондъ, сѣлъ на подводный камень въ виду берегова Мореи. Мореплаватели пытались достигнуть земли на маленькихъ лодкахъ, но страшна была ярость буруна, разбивавшагося на прибрежныхъ скалахъ. Одна за другой перевернулись лодки латинянь и разгнѣванное море поглотило ихъ.

Лишь одинъ Гюи де Пьермондъ, былъ, какъ обломокъ кораблекрушенія, выброшенъ волной на полосу песку, лѣжившуюся вдоль скалъ. Была теплая ночь, когда очнулся онъ, видя надъ головой быстрый бѣгъ звѣздъ въ прорывахъ облаковъ. Вспомнивъ злоключенія дня и видя себя спасеннымъ изъ пучины морей, вопреки тому, что вовсе не умѣлъ плавать, онъ узрѣлъ въ этомъ первое ниспосланное ему знаменіе, и, вставъ на колѣни, возблагодарилъ Создателя. На востокъ уже свѣтлѣло небо; понемногу обозначалась передъ нимъ мутная зелень неустанно катившихся морскихъ равнинъ. Покрылись пурпуромъ разорванныя облака, зажегшись золотыми каймами, и порозовѣло бѣлое крыло кружившейся чайки. Изъ нѣдръ морскихъ выступилъ огненный дискъ.

Гюи де Пьермондъ вскарабкался на утесъ. Въ недалекомъ разстояніи отъ него къ скату горы прилѣпилось селеніе, сложенное изъ темнаго камня. Четырехугольная зубчатая башня возвышалась среди кучи домовъ съ плоскими крышами, построенныхъ невѣдомо кѣмъ и когда.

То мѣсто называлось Палеокастро, и древнее истинное имя его было давно всѣми забыто. Шатаясь на слабыхъ ногахъ, пустился французскій рыцарь на поиски гостепріимства. Его одежда пропиталась морской водой, на поясѣ его не висѣлъ мечъ съ крестомъ рукояти и голова была непокрыта.

У коричневыхъ городскихъ стѣнъ кривились старые стволы оливокъ, пѣгія козы паслись среди нихъ, щипля свѣжую зеленую траву. Дымъ выходилъ изъ трубы дикаго, сложеннаго изъ грубыхъ камней жилища, и, казалось, ничто не вѣдало здѣсь страстей и бореній, перетерпѣнныхъ тѣми, кто гибли въ эту ночь внизу на утлыхъ корабляхъ. Гюи де Пьермондъ постучался у бѣдныхъ дверей. Низкорослый грекъ, покрытый черными какъ шерсть волосами, вышелъ къ нему, глядя на него съ суевѣрнымъ страхомъ. Какъ могъ, латинскій рыцарь описалъ свое бѣдствіе, указывая рукой на далекое море.

Изъясняясь болѣе пальцами, нежели человѣческимъ голосомъ, вступили они въ нависшія первобытной аркой городскія ворота Палеокастро. По узкимъ улицамъ навстрѣчу имъ испуганныя дѣвочки гнали своихъ ословъ съ вязанками хвороста; въ харчевняхъ разжигали утренніе огни, и мѣдники уже стучали молотками въ темныхъ лавкахъ. На городской площади у вѣчныхъ струй источника брама воду въ звонкіе кувшины статная дочь архонта. Къ ея отцу свель черноволосый грекъ пощаженнаго волнами чужестранца.

Было удивительно, въ какой мѣрѣ архонтъ Никодимъ, заброшенный въ своемъ маленькомъ городкѣ, казался на самый край свѣта; былъ поглощенъ великими событіями, рѣшавшими судьбы восточной Имперіи. Съ необыкновеннымъ оживленіемъ встрѣтилъ онъ ниспосланнаго ему Провидѣніемъ гостя. Тысячи тонкихъ соображеній, догадокъ и выводовъ закружились въ его лысой-украшенной сѣдой бородой, головѣ. Безхитростный рыцарь сообщилъ ему о пораженіи латинянъ, о печально-участи Балдуина императора, но Никодимъ, какъ подо

баеть искусному политику, сдѣлать видѣ, что все то было ему давно извѣстно. Ему казалось, что онѣ вывѣдалъ у рыцаря тайну его несчастій лишь благодаря необыкновенной ловкости своихъ глубоко обдуманнхъ вопросовъ. И прижимая къ губамъ бороду, скрывая бѣгающіе взоры маленькихъ глазъ, осторожно раздумывалъ архонтъ Никодимъ надъ рѣшеніемъ, какое ему надлежало принять.

Безъ сопротивленія далъ Гюи де Пьермондъ заковать себя въ цѣпи нѣсколькимъ щедрымъ горцамъ, составлявшимъ войско правителя Палеокастро. Это нарушеніе священнаго долга гостепріимства понялъ онѣ какъ возмездіе за содѣянные грѣхи и ему не удивился. Въ подземельи четырехугольной зубчатой башни, освѣщенной рѣшетчатымъ оконцемъ, на связкѣ соломы, подлѣ глинянаго горшка съ ключевой водой, чувствовалъ онѣ себя болѣе спокойно, чѣмъ архонтъ Никодимъ, метавшійся въ сомнѣніяхъ, точно плѣненный левъ, по тѣснымъ покаямъ лучшаго въ городѣ дома. Безсчетны были усилія политика Палеокастро направить свои дѣйствія сообразно тому обороту, который принимало теченіе вещей въ слишкомъ обширной и разнообразной Имперіи. Французскій рыцарь попеременно представлялся ему то грознымъ посланцемъ верховной власти, то счастливо попавшимъ въ руки заложникомъ. Невидящими глазами взглядывая на красивую дочь, старый архонтъ терзалъ себя тщательными стремленіями предугадать тѣ ходы, которые предпримутъ въ великой игрѣ король Салоникъ, царь Валаховъ, грекъ Леосгуръ, защищавшій отъ франковъ крѣпкій Коринфъ или вожди латинянъ, овладѣвшіе недавно Мотономъ и Корономъ. Запутавшись въ мысленныхъ хитросплетеніяхъ, онѣ не спалъ всю ночь, а утромъ, вобразившись на осла, отправился совѣтоваться съ архимандритомъ сосѣдняго монастыря обозначеннаго во впадинѣ горы блѣдно золотившимся крестомъ и нѣсколькими черными кипарисами.

Переговоры двухъ многоопытныхъ стариковъ были тайны и продолжительны. Въ душной кельѣ архимандри-

та то возвышались до спора, то затихали до шепота ихъ голоса; краснѣли лица, покрываясь каплями. Архонтъ возвратился домой сильно упавъ духомъ: всѣ монастырскія извѣстія противорѣчили столь безразсудно принятымъ имъ наканунѣ рѣшеніямъ. Вспомнивъ мудрое правило, что лучше сознаться въ ошибкѣ, нежели упорствовать въ ней, архонтъ Никодимъ спѣшилъ уготовать новую участь своему нечаянному плѣннику.

Предводимая взволнованнымъ архонтомъ процессія городскихъ старѣйшинъ робко вступила въ подземелье четырехугольной башни. Послѣ долгихъ убѣжденій, произнесенныхъ на языкѣ, состоявшемъ изъ смѣшенія франкскихъ и греческихъ словъ, Гюи де Пьермондъ, наконецъ, понялъ, что былъ неожиданно признанъ графомъ, владѣтелемъ и защитникомъ Палеокастро. Съ величайшими почестями его провели въ верхніе покои той самой башни, въ подземельѣ которой узналъ онъ кратковременную сладость искупленія. Добродѣтельнѣйшія хозяйки Палеокастро вмѣстѣ съ Анастасіей, дочерью архонта, суетились, готовя ему ночлегъ и обѣдъ, и нетерпѣливый Никодимъ уже былъ готовъ занять его умъ росписью земель, ремесель, налоговъ и доходовъ новаго графства. Военныя силы, Палеокастро, состояшія изъ сотни первобытно вооруженныхъ пастуховъ, были предоставлены въ полное его распоряженіе для завоеваній или для охраны границъ. И нѣсколько дней просидѣлъ архонтъ Никодимъ за письмомъ, которое вѣрный челоуѣкъ долженъ былъ отнести къ французскимъ рыцарямъ, именемъ Бога, святого Престола и Императора захватившимъ недавно Мотонъ и Коронъ. Начатое торжественнѣйшими заявленіями и увѣреніями, посланіе оканчивалось просьбой о присылкѣ боевого коня съ надлежащимъ рыцарскимъ вооруженіемъ и нѣсколькихъ франкскихъ тѣлохранителей.

Къ удивленію стараго архонта вновь обрѣтенный графъ Палеокастро выказывалъ крайнее равнодушіе среди этихъ важныхъ государственныхъ дѣлъ. Изъ всѣхъ присвоенныхъ ему прерогативъ власти онъ принималъ,

казалось, съ охотой лишь прерогативу правосудія. Съ готовностью дѣлилъ онъ людѣ Палеокастро на правыхъ и виноватыхъ, вознаграждая первыхъ и отпускаая безъ строгаго наказанія вторыхъ. Обыкновенно онъ творилъ судъ на ступеняхъ четырехугольной башни, служившей ему жилищемъ, въ тѣ часы, когда смолкалъ дневной трудъ, и заходящее солнце отбрасывало длинные тѣни. Онъ терпѣливо выслушивалъ жалобы краснорѣчивыхъ грековъ и снисходительно вникалъ во всѣ мелочи распрей, рождавшихся на смежныхъ поляхъ, въ семейныхъ комнатахъ, въ общинномъ стадѣ. Выслушавъ доводы сторонъ, онъ задумывался; орелъ, кружась высоко въ прозрачномъ небѣ надъ его головой придавалъ императорскую санкцію рѣшеніямъ, которыя были справедливы и великодушны. Окончивъ судъ, Гюн де Пьермондъ, удалялся въ свои покои и отдыхалъ у открытаго на далекое море окна. Величайшій переломъ совершался въ немъ: обозрѣвая прежнюю жизнь, казался онъ себѣ умершимъ въ грѣхѣ и воскресающимъ нынѣ для новаго назначенія. Анастасія, дочь архонта, видѣвшая его въ эти часы, сравнивала его въ своемъ дѣвичьемъ сердцѣ съ молодымъ дубомъ у городской стѣны, еще могучимъ, но уже опаленнымъ молніей.

Посланецъ, напрасно искавшій въ Пелопонессѣ важнаго Жоффруа де Вильбардуена, возвратился съ неожиданнымъ извѣстіемъ; грекъ Леосгуръ одержалъ большую побѣду надъ франками передъ крѣпкимъ Коринфомъ, и его воиновъ можно было ожидать въ Палеокастро. Услышавъ объ этомъ, архонтъ Никодимъ схватился руками за голову. Его первой мыслью было низложить имъ самимъ поставленнаго графа Палеокастро. Но въ руки чужеземца не отдать ли онъ самъ и свою казну и свое войско! Дикіе жители городка, не успѣли ли они научиться благоговѣть передъ латиняниномъ, обольщенные его беззаконнымъ добросердечіемъ! Вспоминая государственную науку своей молодости и наставленія константинопольскихъ учителей, архонтъ Никодимъ рѣшилъ съ помощью

отравленнаго напитка возвратить графа Пелеокастро въ то небытіе, изъ котораго онъ такъ несвоевременно возникъ. Его дочь Анастасія должна была помочь ему въ этомъ. Но проникшій во всѣ тайны политики старикъ ничего не зналъ о томъ, что совершается въ умѣ женщины. Передъ разсѣяннѣмъ и погруженнѣмъ въ свои мысли рыцаремъ выплеснула Анастасія отравленное питье въ открытое окошко и залилась слезами.

Прежній гнѣвъ овладѣлъ на время Гюи де Пьермондомъ: онъ велѣлъ привести архонта съ тѣмъ, чтобы предать его заслуженному наказанію. Но пока слышались тяжелые шаги старика на узкой лѣстницѣ, мысль, что то было второе знаменіе свыше, ослѣпила его, и когда въ открытую дверь ворвался отецъ Анастасіи и кинулся съ воплемъ къ его ногамъ, онъ поднялъ его и повторилъ слова, которыми, не зная многихъ другихъ, всего чаще заканчивалъ свой судъ на ступеняхъ четырехугольной башни.

— «Иди и больше не грѣши», — сказалъ онъ.

И если то было второе явленное ему знаменіе, то узнайте, что недолго пришлось ему ждать третьяго. Страшная болѣзнь, разразившаяся вскорѣ надъ Мореей остановила и войска Леосгура и войска франкскихъ бароновъ, совершая дѣло гибели и разрушенія съ такой быстротой, которая недоступна даже для человѣческихъ рукъ. Цѣлые города превращались въ кладбища, селенія пустѣли, дары природы погибали втунѣ, и скотъ, лишенный призора, дичалъ, разбѣгаясь по окрестнымъ горамъ и лѣсамъ. Бичъ Божій опустился надъ Палеокастро. Безропотно умирали первобытные и смиренные люди маленькаго городка. Монахи сосѣдняго монастыря не успѣвали совершать отпущеніе грѣховъ, и заупокойный колоколъ звонилъ съ ранней зори до поздняго вечера, пока не остановился вовсе, будто бы самъ пораженный недугомъ.

Здоровые оставляли больныхъ, ища спасенія въ бѣгствѣ, и никто не заботился бы о нихъ, если бы не было безстрашнаго и неутомимаго латинянина. Гюи де Пьермондъ

входилъ въ зараженные дома, переносилъ умирающихъ, касался скорченныхъ рукъ и воспаленныхъ лбовъ, являясь милосердной тѣнью передъ взорами остекленными смертью, произнося слова утѣшенія передъ слухомъ, окованнымъ вѣчнымъ молчаніемъ. Мірская мудрость не уберегла стараго архонта отъ страшной болѣзни. Гюи де Пьермондъ собственными руками предалъ землѣ его тѣло и возвратился въ несчастный отнынѣ, лучший въ городѣ домъ, съ нетерпѣніемъ ожидая своего часа. На низкомъ ложѣ въ безпамятствѣ горѣла умирающая Анастасія. Стояла глубокая тишина, нарушаемая лишь жужжаніемъ беспокойныхъ, злыхъ мухъ въ косомъ лучѣ солнца. Жалость послѣдняго утомленія пронизала сердце Гюи де Пьермонда. Подойдя къ больной, онъ положилъ ей на голову руку и, робко оглянувшись кругомъ, прочиталъ молитву, останавливаясь иногда и тщетно вспоминая слова, забытыя съ дѣтства. На слѣдующее утро Анастасія пробудилась здоровой и осталась жить.

Когда пронеслось, наконецъ, бѣдствіе, разразившееся надъ Палеокастро, немногіе оставшіеся въ живыхъ обитатели напрасно искали своего милосерднаго графа. Горный пастухъ разсказалъ, что видѣлъ странника, похожаго на него лицомъ. Въ грубомъ плащѣ, босой и съ непокрытой головой пробирался тотъ странникъ лѣсными тропинками въ сторону Истма. Гюи де Пьермондъ возвращался въ Константинополь, откуда увлекъ его нѣкогда малодушный страхъ, съ тѣмъ, чтобы открыть заблуждавшимся братьямъ истину.

Одна простая мысль владѣла отнынѣ имъ. Знаменія, ниспосланныя ему, не были ли предназначены они для вразумленія всѣхъ рыцарей, ошибочно понявшихъ свой подвигъ и заблудившихся въ немъ? Пустившись на завоеваніе Святой Земли, не оказались ли они сами вмѣсто того въ землѣ соблазна? Крестъ Господень искали они напрасно въ неправдахъ и насиліяхъ войны, тогда какъ онъ водруженъ во всякомъ мѣстѣ Божьяго міра и во всякомъ человѣческомъ сердцѣ. И не свирѣпый султанъ,

не коварный византиецъ стерегутъ подлинный градъ Божій, но только грѣхи и страсти, обступающіе жизненный путь каждаго человѣка.

Безъ помѣхъ прошелъ нищій рыцарь каменные поля Мореи, виноградники Истма, рощи Фессаліи. Онъ обращалъ свое слово къ мирнымъ людямъ на улицахъ допутныхъ селеній и къ воинамъ, стекавшимся подъ знамя неукротимаго Леосгура. Тѣ и другіе выслушивали его рѣчи со вниманіемъ, не понимая ихъ и оттого преисполняясь особеннымъ къ нему уваженіемъ. Они качали головами, вздыхали, касались какъ амулета края его одежды и вслѣдъ затѣмъ возвращались къ своимъ дѣламъ. Женщины наперерывъ стремились напоить его деревенскимъ виномъ или снабдить маслинами, сыромъ и хлѣбомъ.

Мало заботившійся о дорогахъ земного хожденія, рыцарь Гюи де Пьермондъ забредалъ иной разъ въ лишенные всякаго человѣческаго жилья пустыни Эпира и Македоніи. Съ равнымъ спокойствіемъ несъ онъ привѣтъ встрѣчавшимся ему анахоретамъ, купцамъ, номадамъ или разбойникамъ. Съ дровосѣками, готовившими уголья въ лѣсныхъ дебряхъ, прожилъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ, дѣля съ ними тяжелый трудъ и поучая ихъ у костра на невѣдомомъ имъ языкѣ. Никто не узналъ бы владѣтеля Пьермонда, завоевателя Византіи и графа Пелеекастро въ этомъ состарившемся отъ лишеній странникѣ, съ почернѣвшимъ лицомъ, торчащими скулами щекъ и худыми какъ плети руками, одѣтомъ въ вывернутую шерстью наверхъ баранью шкуру кочевниковъ и варваровъ! Изобличали его лишь глаза, видѣвшіе иной свѣтъ въ пламени смолистаго костра, да срывавшаяся съ его устъ нѣжная рѣчь Иль де Франса.

Прошли, можетъ быть, годы, прежде чѣмъ тотъ, кого звали нѣкогда Гюи де Пьермондъ увидѣлъ однажды съ высокой горы сквозь вѣтви деревь синеву теплаго моря, далеко врѣзавшагося въ берега и полукругъ необъятнаго бѣлаго города. Голубоватыя, стлавшіяся передъ нимъ равнины, были усыяны многочисленными шатрами воен-